

СЕРКО

Наш дедушка Алексей мало рассказывал нам о своих молодых годах, не мог вспоминать спокойно, слёзы наворачивались. Теперь уже стало понятно почему. Его семью и семьи братьев его, знакомых и других родственников в 1931 году выслали из-под Воронежа в Сибирь, на Енисей, как раскулаченных. За что?.. А работали хорошо, хозяйствовали. Товарищество «Землепашец» организовали. Трактор «Фордзон» купили, а тем, кто победнее на селе жил, даже бесплатно их доли пахали. Скот выращивали, молоко, мясо продавали. Детей своих трудягами воспитывали. В семьях детей больше трёх-четырёх у всех. С ними и отправили в дорогу дальнюю, лишив всего, без гроша за душой... Запомнился нам один из эпизодов из его жизни, что он нам, внукам своим, рассказал. Жили они большой семьёй, с родителями. Шла война Гражданская, докатилась и до их села. Пришли белогвардейцы, лошадей забрали у семьи деда, оставили одного только коня, Серко его звали. Потом пришли красные, забрали и Серко, как и у многих других в селе.

Куда без коня? Ни землю вспахать, ни дров, ни сена привезти. Хозяйничать надо было на земле, подворье. Деду Алексею тогда было двадцать четыре — двадцать пять лет, женатый уже, детишек троё. Прознал он, где на привязи в деревне соседней стоят лошади у красноармейцев, решил выкрасть своего коня. Выбрал время — ночь темней, непогоду, прокрался туда, позвал

тихонько Серко, тот откликнулся тихим ржаньем... Перескочил Алексей через загородку, отвязал своего коня, и понёс Серко его вдаль, через лес и поле. Но и погоня началась, из ружей пальба. Удалось всё-таки ему ускакать на коне подальше. Через некоторое время, когда уже не до этого было красноармейцам — бои опять начались, вернулся Алексей домой с конём...

РУКОДЕЛЬНИЦА

Моя бабушка (по линии папы), Анна Васильевна, любила рукодельничать и многое умела: вышивка крестиком, гладью, болгарским крестом, мережка. Наверное, это прошло через всю её жизнь и ещё до того времени, когда в лихую годину их семью в Сибирь сослали. Помнится деревянное «сооружение» — станок, который стоял у них в горнице. На нём она ткала разноцветные половики, часть которых родне раздаривала, но и на заказ делала, выбирая время для этого, по хозяйству управившись. Да и весь пол у них был устлан такими дорожками-половиками. Стежила бабушка и одеяла. На пряслах растягивался сатин с рисунком на тёмном фоне (бордо, зелёном, синем), поверх на него укладывалась вата, слой целый, на неё опять расстилалась ткань, покрасивее, даже атласная, и эта прослойка насквозь прошивалась (стежилась) по рисунку, аккуратно нанесённому мелом. Все края одеяла затем прострачивались на ножной швейной машинке. В те вечера, когда я приходила к ним ночевать, а мне нравилось быть у них, бабушка после всех дел садилась на стул, ставила под ноги маленькую скамеечку, брала ткань, канву, пяльцы, разноцветные нитки-мулине, и начинался процесс волшебства... Мне иногда предлагалось ею присесть рядом, чтобы поучиться ремеслу вышивания, что я и делала. Думается, что я навсегда получила от своей бабушки «прививку» на восприятие всего красивого, что окружало меня в то время и сопровождает теперь... Эти загадочные рисунки из её альбома вышивок, что привёз ей папа из Москвы, будучи там в командировке, яркого цвета мотки шелковистых ниток, уже вышитые ею узоры пышных подушек, салфеток, дорожек, скатертей, картин под стеклом притягивали к себе, заставляли разглядывать оттенки, переливы тонов. Стилизованные фигурки людей, животных казались необычными.

Интересно, с художественным вкусом ею подбирались и складывались в орнаменты разноцветные остатки ткани и

сшивались лоскутные покрывала, даже коврики. Одним из таких был покрыт и старинный сундук за печкой в комнате.

А в палисаднике цвели сиреневые георгинки, синие васильки, алые циннии («майоры», как называла их бабушка), оранжевые ноготки, пёстрые анютки, яркая палитра высоких астр, которые осенью, перед заморозками, выкапывались с землёй в старые кастрюльки, тазики и заносились в избушку, «на семена». На узких подоконниках небольших оконцев красовались вишнёвого цвета «гребешки» (целозии), бальзамины, деревце клёна домашнего, глоксинии, петунии, которые также переселялись в зиму с улицы. Любимцем бабушки был розовоцветный олеандр с таинственным ароматом. В сенцах вниз «головками» висели кустики запашистых трав: лабазника (белоголовника, или таволги), богородской травы (тимьяна), душицы, веточки смородины, малины — всё на чай. А в огороде, среди аккуратно ухоженного, цветущего розовым и белым картофеля, возвышались красавцы-подсолнухи в ярко-жёлтом обрамлении лепестков. Созревшие «шляпы» их потом просушивались в теньке, шелушились семечки, складывались в плотняный мешочек, к печке, на сундук, и зимой в долгие вечера мы, ребяташки, щёлкали их, стараясь не сорить шелухой.

Ниже подсолнухов по огороду росли махровые маки. Когда их лепестки осыпались, видны были коробочки с семенами, созревания которых мы с братом терпеливо дожидались, время от времени проверяя, не сыплются ли из них такие вкусные маковые семена, хотя лакомиться было чем: горох, бобы росли в избытке.

А ещё лето было наполнено цветами космеи... Она росла нарядными куртинами по всему огороду, палисаднику, даже на улице за плетнём, да и у всех соседей, под окнами домов.

Милое детство, милые сердцу люди, события, обыденные, незначительные в то время и такие дорогие сейчас!..

КУПАНИЕ В ЕНИСЕЕ

Когда-то, в начале пятидесятых годов двадцатого века, в Красноярске ещё не было такой уютной и красивой набережной, как в наши дни. Её обустройство в те годы только начиналось. Левый берег Енисея был сильно изрыт, виднелась светлая глина. С улицы Бограда до реки недалеко было пройти пешком. Мы были здесь в гостях в семье маминого брата.

В Красноярск нас с братишкой привёз папа, следуя в командировку по делам учебным. Мне было шесть лет, брату — пять.

Как-то в жаркий летний день мы пошли на берег Енисея искупаться. Там увидели строительный котлован или большую яму, наполненную водой енисейской, которая была столь тёплой, что казалась нагретым молоком, благо и цветом кремово-белая от этой глины. Берега-склоны котлована оказались приятно скользкими, с них можно было скатываться — и сразу в воду. Это летнее удовольствие привлекало и другие семьи с детьми, поэтому мы здесь были не одни. Слышались смех, визги восторга ребячьего, было шумно, во все стороны летели водяные брызги. Лето!.. Папа тоже купался вместе с нами, подхватывая нас в воде, когда мы плюхались с горки-склона. Было весело! Это купание с папой запомнилось на всю жизнь...

НА ПАРОМЕ

В очень далёком детстве, в те годы, когда ты мало что можешь помнить из тех лет, будь то происшествия или встречи с людьми, было одно яркое событие с моим участием, которое запомнилось. Мы приехали в гости к родным в город Красноярск, часть которых жила на левом берегу — мамина родня, а папины родственники — на правом берегу Енисея. Вместо нынешнего Коммунального моста через реку был мост понтонный, устройство которого мне почему-то было тогда знакомо. Через него на другой берег добирались автомобили, которых, наверное, не так много и было в те годы. Понтоны потихоньку «хлюпали» в воде, покачиваясь на волнах. На другой берег можно было и доплыть на пароме, похожем, конечно, на корабль в детском воображении, который мог легко утонуть в такой широкой бурной реке. Родители решили на нём переправиться на противоположный берег, чтобы увидеться с родными. И вот настала минута, когда нужно было с пристани перейти на трап парома. Невысокие волны, серебрясь на солнце, плескались у борта, раскачивая его в такт течению струй воды. На пароме уже собрались желающие переплыть, как и мы. Они с интересом смотрели, как меня уговаривают родители ступить на трап и шагать по этому, казалось, подозрительному сооружению к ещё более ненадёжному по имени «паром». К уговорам меня подключилась и женщина в строгой синей форме речника, дежурная, наверное. Помню, что я твердила одно: «Утонем!

Утонем!..» Плакать не плакала — возможно, тоже от страха. Наверное, смогли меня уговорить, потому что вскоре, держась за поручни, я стояла на судне рядом с папой и мамой и смотрела на воду, бурлящую внизу, за бортом. После такого короткого плавания меня, как оказалось, уже трудно было уговорить... сойти на берег, до того понравились эти новые впечатления и ощущения от пребывания на енисейских волнах.

Наверное, до сих пор поэтому и живёт во мне мечта моря, большой воды, путешествий водных. В своё время мечталось проплыть на теплоходе по Енисею на север, где жила мама в ссылке с родителями, где жил и папа со своими родными, тоже сосланными в Сибирь, «раскулаченными», а затем и реабилитированными. Но мечта остаётся несбывшейся. Пока. Может, всё-таки пока?!..

«В НАРВУ ЕДЕМ!..»

С детства слышала слова: «Мана», «Нарва». И вот однажды, летом 1956 года, мы с мамой, братом, трёхлетней сестрёнкой поехали в гости в село Нарва Манского района. Там жила семья маминого брата Аркадия Константиновича — он, жена (тётя Анисья), их дети Володя, Валя и Галя, мамины родители — дед Костя, бабушка Шура. Сёстры были нам с братом ровесницами. Нашего папы с нами не было — работа.

Дорога была нелёгкой и поэтому запомнившейся до сих пор. Поезд довёз нас до станции Камарчага, а дальше, до Шало, ехали на попутной машине. Автобуса не было и в помине. Помню, что в Шало народ тоже толпился с вещами, искали, на чём уехать дальше, как и мы, до Нарвы, в надежде поймать попутку. Мне тогда исполнилось восемь лет, брату — семь.

Погода была прохладной, дождь капал, по небу плыли низкие облака. Отчётливо врезалась в память картина: сопки, покрытые зелёным лесом, по ним плывут рваные клочья белосвинцовых облаков, внизу — быстрое течение, круговороты реки, по обрывистому берегу которой, по грязным, глубоким рытвинам разбитой дороги, надрывно гудя, едут грузовики. Время от времени они съезжают на скользкие обочины, одна из которых заканчивается стремительной рекой, такой близкой к дороге, другая — высоким косогором, на который иногда с трудом выруливает автомашина, спасаясь от непроходимой, густой грязи, где буксует. Тогда грузовик едет под наклоном

по косогору. Его кузов загружен мешками с солью. На мешках, судорожно, со всеми детскими силёнками, вцепившись в них, чтобы не упасть, лежим мы с братом. Мама с сестрёнкой едут в кабине автомашины. Помню вкус соли на губах. Она сыпется тонкой струйкой из проковырянной мною в грубой серой мешковине дырочки. Я макаю палец в неё и слизываю соль, зажмурившись от ужасного её вкуса и страха от поездки, который ещё ужаснее её. Этот вкус соли отвлекает, как казалось тогда, через какую-то внутреннюю интуицию, от надрывного рокота мотора, от тех мгновений, когда за бортом машины мелькает неприветливая вода Маны, такой таинственной и внушающей страх.

Прошли годы. И дорога — асфальт. И автобусное движение до дальних посёлков есть. А Мана теперь — река-красавица!..

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ В НАРВЕ

Нарва — красивейшее сибирское село, окружённое сопками, покрытыми густым лесом, на берегу быстрой сибирской реки Маны. Летние дни были жаркими, но зной не чувствовался, казалось, что от реки свежестью веет. К Мане хотелось приходить, смотреть на стремительное течение её прохладной воды, слушать шум журчания по камешкам и, окунув ладонь в воду, наблюдать за искрящимися на солнце струйками, которые сбегали по пальцам, оставляя ощущение холодка. Иногда, если подойти к реке совсем тихо, еле двигаясь и переступая осторожно по песку и камешкам — гальке, можно было увидеть рыбу, подплывшую к берегу и греющуюся под тонким слоем воды, почти сливаясь по цвету с тёмно-зеленоватыми подводными камнями. Как-то один раз, придя на берег с тётей Анисьей, которая стала полоскать в реке постиранное заранее бельё, мы, ребята, заметили такую притаившуюся рыбу и, чтобы её не спугнуть, тихо отошли от кромки воды и позвали тётю, которая, изловчившись, выхватила почти уснувшую на солнышке рыбку из воды. Ею оказался налим, довольно крупный, не желавший смириться со своим неожиданным пленением и потому начавший старательно извиваться-трепыхаться. Он бил хвостом, пытаясь вырваться из её рук. Восторгу и восхищению нашему не было предела! Мы, гордые такой редкой удачей, бежали впереди, перепрыгивая через камешки на тропинке к дому, а позади шла тётя Анисья, толкая тележку, на которой стояла ванна с бельём и лежала наша рыба.

ПРОГУЛКИ К РЕКЕ

Купаться в Мане нам не разрешалось из-за быстрого течения, водоворотов, её непредсказуемости, да и холодной воды. Я приходила на берег и, сняв сандалии, позволяла себе неглубоко зайти в воду, походить осторожно по камням и песку, ведь плавать я не умела, большой воды боялась, да и запрет на купание останавливал. Тропинки к речке были по-летнему живописны. Кудрявилась зелень крапивы по краям, а её было особенно много здесь. То там, то тут среди густой травы возвышались широкие листы лопуха, виднелись остатки почерневших от времени трухлявых деревяшек от пеньков, срубленных когда-то, вероятно, некрупных деревьев, прибрежных кустов. Тропинка то вилась по небольшому бугорку, склону, то спускалась к болотистой низинке, из которой торчали щетинистые от осоки кочки. Над ними летали стрекозы, шелестя крылышками, гудели пауты. Тропинка выходила к дороге, грунтовой, кое-где засыпанной щебнем. По ней можно было пройти и до деревянного, с перилами, моста через Ману. Но главным препятствием по дороге туда для меня в ту пору были... здешние индюки, большие, красивые, чёрно-серые, с переливами на перьях и висящим над горлом кожаным выростом-«бородой», который так же стремительно краснел, как и складки кожи на голове, когда индюк сердился. Он пыжился, зло клекотал, топоришил хвост, распуская его веером, увеличивался пугающе в размерах и норовил преследовать, гнаться за любым, кто нарушит его покой и выводка индюшат с индюшкой, что неподалёку похаживали да траву пощипывали. Таких недовольных персон было несколько, и они наводили страх на ребятню, проходившую мимо большого деревянного старого амбара, на земляной завалинке которого они чаще всего и обитали, купаясь в пыли или склёвывая зелень травы вдоль дороги, тропинок. А то, что индюк — птица была почти экзотическая, ввиду того что раньше в моей жизни не встречалась, тем более и не угрожала поклевать, то можно представить, какое впечатление производила эта местная «хулиганская компания» на меня. Я старалась далеко обходить их по «неудобицам» или вообще не ходить в ту сторону.

По утрам над рекой, домами и темнеющими сопками стоял густой туман — они были погружены в него... Утреннее солнце, выплывая из-за сопки, тоже оказывалось в этой белой плотной пелене и, стараясь из неё выбраться, постепенно сдвигало

её всё выше к вершинам, и видимыми становились очертания просыпающегося села, густые заросли тальника на берегу, у подножия покрытых лесом гор. Остатки белых облаков тумана рваными клочьями таяли под лучами солнца и совсем исчезали. Кое-где у реки на сочной траве паслись телята, стайки гусей, уток ходили тут же или плавали в небольшой тихой заводи, почти болотце, что была песчано-каменистой косой отделена от речной стремнины. Утренняя тишина сопровождалась редким лаем собаки у кого-либо со двора, чириканьем воробьёв, «разговором» ласточки со своим семейством, прилетевшей к круглому гнезду из глины, прилепленному ею под крышу сарая.

А Мана манила к себе... На берегу всегда кто-то был. Иногда местные рыбаки, гремя цепью, которой крепилась лодка, вставив вёсла в уключины и отталкиваясь от берега, отплывали, и быстро исчезала из виду лодка, уносимая сильным течением реки. Мальчишки с удочками уже с раннего утра сидели на камешках, подцепив на крючок червяка из баночки, терпеливо ждали момента рыбацкой удачи, тихо переговариваясь друг с другом, или же расходились на расстояние в надежде на счастливое место у речки, где рыбы, конечно, больше плавают.

Иногда слышался стук, шлёпанье вальков по белью, если какая-нибудь хозяйка хотела с половиками управиться, хорошо прополоскав их в воде.

К вечеру мы с сестрёнками, взяв хворостинки, шли к месту встречать стадо, которое шло с пастбища, находящегося где-то в пойме реки на другом берегу. Животные брели, обмахиваясь хвостами от тучи оводов и мух, сопровождавших их всю дорогу. Завидев свою хозяйку, коровы ускоряли ход, предчувствуя угощение — кусочек ароматного деревенского хлеба... Сопроводив корову и нетель до дому, мы бросали хворостины и шли к подружкам, которые уже тоже были готовы продолжить наши незатейливые игры или посекретничать на интересные для нас темы. Приходилось уже и от комаров отмахиваться, которых к исходу дня становилось всё больше. Из труб домов тянулся вверх дымок, закатное солнце пряталось вновь за сопки... Чувствовалась вечерняя прохлада от реки. Она скапливалась в низинках и, поднимаясь всё выше, постепенно занимала всё пространство над селом, рекой, сопками. Воздух становился наполненным ароматом летних трав, хвои деревьев, густо растущих на соседних с рекой возвышенностях, запахом

речной воды. Овал неба, очерченный неровными гребнями леса на сопках, постепенно темнел, становился сине-сиреневым, а потом и с оттенками тёмно-синего и чёрного. По нему во множестве выступали яркие звёзды, показывался и серп луны, чуть освещая окрестности.

Ребягня, набегавшись, вволю нагулявшись, шла ужинать и... на покой, чтобы завтра опять беззаботно встречать новый день такой желанной летней поры.

ЧАЙ ИЗ ДЕТСТВА

В июле сибирском приходит пора заготовки веников банных, веточки для которых выборочно обламываются с молодых берёзок.

В это время в лесу расцветают голубые, синие колокольчики, нежно-жёлтый красоднев, аконит (дельфиниум), белые ромашки на солнечных полянках. А розовые нарядные кипрейные поля — повсюду! Манят к себе кустики душицы — «матэринка», как называла эту траву моя бабушка Анна. Заготавливала её и сушила небольшими букетами в чулане. А зимой, долгими вечерами, которые действительно тогда, в детстве, казались долгими, уютными, тёплыми, добрыми, зажевывая чай с душицей и молоком. Из-за русской печи, со старинного кованого сундука, покрытого цветным лоскутным покрывалом, сделанным руками бабушки, из небольшого полотняного мешка доставались румяные сухарики, которые сушились здесь же, в духовке. В кухоньке, под столешницей, в зиму оставлялось несколько курочек. Они тихонько поклёвывали тебя в ноги через редко прибитые реечки, если садиться совсем близко к столу, задевая их деревянный лоток-кормушку с зерном. И под их неторопливый нежный говорок мы пили чай, душистый чай из трав, наслаждаясь ароматом уже далёкого пряного лета...

КАЧЕЛИ

Те счастливые солнечные дни летней Нарвы были омрачены событием, которое и предположить-то было просто невозможно.

У родных, где мы гостили в то лето, на подворье, под деревянным навесом, который возвышался почти над всем двором,

чтобы дождь и снег не попадали на дощатый пол, каким был застелен весь двор для большего уюта и красоты, в углу свешивались качели, устроенные из довольно широкой доски на крепких верёвках. Двоюродные сестрёнки Валя и Галя иногда качались здесь, разнообразив этим свой летний досуг. В один из дней и я решилась ступить на качели, крепко держась за верёвки, и начала медленно раскачиваться на них. В какой-то миг вдруг почувствовала в движении доски помеху. Резко обернувшись, увидела ужасную картину: моя маленькая сестра Лена падает на пол двора, откинувшись назад, а из её переносицы льётся кровь. Она даже и кричать в те минуты не могла, закатившись в беззвучном плаче. Кричала я, звала на помощь, но какие это были слова, не знаю. Прыгнув с качелей, закрыв уши руками, стремглав убегаю куда-то, лишь бы не видеть того, что я сделала. В голове одна мысль: «Убила!.. Убила!» Плача и переживая случившееся, оказываюсь уже далеко от дома, в тальнике на берегу Маны.

Боюсь смотреть в ту сторону, где несчастье настигло нашу семью.

Шумит на перекатах река, чьё течение так сильно, что несёт водой брёвна, сплав которых шёл по Мане тогда. В те минуты и красота реки не радует, ведь мысли о сестре и беде.

Вскоре вижу лодку, мчащуюся по бурлящей реке, управляемую пожилым мужчиной — как оказалось, соседом. С большим трудом, тяжело лодка идёт против течения. В лодке и мама с Леночкой на руках. Больница-то на другом берегу реки.

Время шло, наступала вечерняя прохлада. Не помню, как дошла до огорода около их дома, поднялась по лестнице на сеновал, долго сидела, боясь спуститься. Чутко прислушивалась к голосам, к стуку калитки, молчала, долго не отзываясь, когда хватились меня. Искали, нашли, догадавшись заглянуть под крышу. На мои слёзы сказали, что с сестрой всё хорошо, она, конечно, жива.

И сейчас, по прошествии стольких лет, глядя в её родное лицо, всегда вижу этот шрам на переносице, как она шутливо утверждает, изменивший конфигурацию красоты её носа, который ведь мог быть менее курносым.